

DOI: 10.14515/monitoring.2014.5.02

УДК 321.1(470+571):316.752

У.М. Рейзингер, Дж. Пачеко
МАССОВЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ДЕМОКРАТИЯ
В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ^{1*}

МАССОВЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ
И ДЕМОКРАТИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Уильям М. РЕЙЗИНГЕР - Факультет политологии Университета Айовы (г. Айова, штат Айова, 52242). E-mail: william-reisinger@uiowa.edu

Джулиана ПАЧЕКО - Факультет политологии Университета Айовы (г. Айова, штат Айова, 52242). E-mail: julianna-pacheco@uiowa.edu

Аннотация. Научное сообщество ведет широкие дискуссии, пытаясь ответить на вопрос, почему демократические институты в России не пустили корни и чему обязано появление специфического политического режима, который мы сейчас наблюдаем в России. Российский пример был изучен с точки зрения основных подходов к процессу демократизации, затрагивающих политическую культуру, институциональный выбор, динамику элит, международное влияние и т.д. При этом спорить в рамках разных теорий, ограничиваясь лишь Россией, крайне сложно. Необходимо рассматривать Россию, основываясь на сравнительном методе. Это дает возможность проследить политическое развитие в России и извлечь выводы из многочисленных примеров.

Мы анализируем региональные различия в

MASS DEMOCRATIC VALUES AND
DEMOCRACY IN RUSSIA'S REGIONS

William M. REISINGER - Department of Political Science, The University of Iowa (Iowa City, Iowa 52242). E-mail: william-reisinger@uiowa.edu

Julianna PACHECO - Department of Political Science, The University of Iowa (Iowa City, Iowa 52242). E-mail: julianna-pacheco@uiowa.edu

Abstract. Scholars continue to debate why democratic institutions failed to take root in Russia and what has driven the rise of the specific political regime now in place. They have examined the Russian case using each of the major approaches to the study of democratization: political culture, institutional choice, elite dynamics, international influences and others. However, adjudicating between theories while analyzing only Russia is difficult. Placing Russia in comparative perspective remains vital. Subnational comparisons that contrast political developments in Russia's regions provide a potentially valuable way to depict Russia's political evolution and benefit from multiple cases.

In this article, we assess regional differences in mass political values—specifically, what scholars call democratic values. We derive

¹ Предыдущая версия научной работы представлена на Ежегодной конференции Ассоциации политической науки Среднего Запада, проходившей с 3 по 6 апреля 2014г. в г. Чикаго. Авторы выражают благодарность Дариме Бутитовой за комментарии, Ми-Сон Ким, Александре Хуффман и Джону Режовски за помощь в проведении исследования и Даниэль Люсье за внимательное прочтение ранней версии.

* В данной публикации сохранены особенности библиографического аппарата оригинала.

массовых политических ценностях, или в том, что исследователи подразумевают под термином «демократические ценности». Анализ основан на данных, полученных в ходе всероссийских опросов, проведенных в середине 1990-х, с помощью методов, используемых для получения оценки на уровне малой выборки с небольшим числом опрошенных. Мы рассматриваем, как эти региональные ценности соотносятся с измерениями уровня демократии в регионах и насколько они помогают нам понять межрегиональные различия. Как оказалось, демократические ценности на региональном уровне все же отвечают некоторым ожиданиям, описанным в компаративистской литературе, к примеру, население регионов более развитых в социальном и экономическом плане относится к демократии более лояльно. С помощью многомерного анализа мы показываем, что, несмотря на то, что наличие более прочных демократических ценностей среди населения региона направляет его на демократический путь, этого недостаточно, чтобы вызвать дополнительные изменения. Как следствие регионы с относительно высоким уровнем демократических ценностей одновременно являются и теми регионами, в которых укрепилась авторитарная политическая система с середины 1990-х вплоть до 2000-х.

Ключевые слова: демократия, демократические институты, ценности, демократические ценности, политическая система, регионы, сравнительные исследования.

these values with data from nationwide surveys conducted in the mid-1990s and small area estimation techniques. We then examine how these regional values relate to measures of the level of democracy in the regions and to what extent they improve our understanding of cross-regional differences. We show that regional democratic values in Russia do match certain expectations from the comparative literature, for instance, we find that more socioeconomically developed regions have democracy-supportive populaces. Through a multivariate analysis, we show that although stronger democratic values among a region's residents do, as expected, push the region toward democracy, this tendency was not strong enough to offset other influences. As a result, regions with relatively high levels of democratic values were also the ones that developed more authoritarian political environments from the middle 1990s into the 2000s.

Keywords: democracy, democratic institutions, values, democratic values, political system, regions, comparative studies.

Массовые демократические ценности и политический режим²

Нужны ли политическим режимам для сохранения политических установок те, кем они управляют? Хотя основа политического режима имеет сложную структуру, многие теоретики утверждают, что общественные политические ценности здесь также играют важную роль. В частности, единственно разумной кажется идея, которая гласит, что демократии, т.е. режимы,

² Ссылки на литературу даны в авторской редакции.

где правит народ, должны иметь народные массы, которые в своих политических пристрастиях придерживаются демократических установок. «Демократическая форма партиципаторной политической системы также требует и соответствующей политической культуры» (Almond and Verba 1963). «Будущее стабильной демократии - в той стране, граждане и правители которой четко следуют демократическим идеям, ценностям и практикам» (Dahl 157). Логически обусловленная связь между массовыми демократическими ценностями и демократией говорит о том, что уровень ценностей, возможно, влияет на то, какие страны быстрее внедряют у себя демократические институты, какие демократические институты выдержат испытание временем, и какие страны смогут продемонстрировать более качественную демократическую политику. Результаты исследований с большими выборками, проведенные в десятках стран за последние четыре десятилетия, представляют собой хороший, основанный на эмпирическом опыте, пример, того, что демократические ценности, присутствующие в обществе, помогают понять относительную вероятность наличия в обществе демократического режима, а также процесса перехода к демократии (Inglehart and Welzel 2005).

Наиболее популярный метод для измерения массовых ценностей, ориентированных на демократию, - это прямой вопрос респондентам о том, как они оценивают демократию как форму правления. Например, во Всемирном исследовании ценностей (World Values Survey) предлагается ответить на вопрос о том, является ли демократическая система «очень хорошей», «скорее хорошей», «скорее плохой» или «очень плохой» формой правления, а также на вопрос о согласии или несогласии с утверждением «демократия имеет свои сложности, но все же она лучше, чем любая другая форма правления» (Inglehart. 2003). Но только этого недостаточно для измерения демократических ценностей, потому что жители большинства стран, независимо от того, какую политическую систему они имеют, все равно поддерживают демократию, если у них об этом спросить (Inglehart 2003; Schedler and Sarsfield 2007). К тому же в России 1990-х годов мы наблюдаем обратную тенденцию: поскольку администрация и окружение Ельцина воспринимались всеми как демократы, то именно им приписывают гиперинфляцию и экономический кризис, возникшие в 1992 году. Это дало повод россиянам невзлюбить слово «демократия», при том что демократические права и методы им были по душе.

Следовательно, данные о восприятии слова «демократия» должны быть подкреплены измерениями того, как респонденты оценивают аспекты демократической политики, если слово «демократия» вынести за скобки. Обычно измеряются такие аспекты, как «межличностное доверие» (вера в то, что большинству людей в обществе можно доверять) и связанный с ним «социальный капитал» (Almond and Verba 1963; Putnam 1993; Brehm and Rahn 1997; Mishler and Rose 2001; Newton 2001; Inglehart and Welzel 2005; Tang 2005), уважение прав других групп и меньшинств (Sullivan, Piereson and Marcus 1982; Sullivan и др. 1985; Gibson 1998a, 2007), важность индивидуальной свободы, включая синдром, названный Инглхартом синдромом постматериалистических ценностей и недавно получивший название синдрома эмансипативных ценностей (Inglehart 1977, 1990; Gibson and Duch 1993b; Inglehart and Welzel 2005). Бихевиористское измерение, являющееся одним из индикаторов, описывающих человека с демократическими ценностями, может указывать на то, участвовал ли респондент в политике помимо участия в голосовании, например, подписывая петиции или принимая участие в публичных демонстрациях и протестах (Almond and Verba 1963; Inglehart 2003).

Если массовые ценности по своей сути связаны с демократией, то какова роль ценностей в условиях авторитарного режима? При условии, если авторитарный режим полностью полагается на подавление, массовые ценности играют малозначительную роль для стабильности режима. В какой мере авторитарные ценности усиливают авторитарную политику и подрывают демократию, изучалось в многочисленных исследованиях: вспомним, к примеру, тех ученых, которые пытались объяснить поддержку фашизма (Fromm 1941; Adorno и др. 1950; Maslow 1954; Lipset 1959a; Rokeach 1960; Altemeyer 1988; Feldman 2003; Stenner 2005). «Авторитарная личность» - тип личности, которая ценит традиции, порядок и подчинение авторитету. Этот тип личности ассоциируется с такими политическими ценностями, которые могут разрушить демократическую политику, и отдать предпочтение скорее сильному лидеру, чем формальным процедурам, действиям неконституционного правительства и нетерпимости меньшинств (Geddes and Zaller 1989; Stenner 2005; Solt 2012). Касательно общественных ориентаций в отношении политической системы то, что называется демократическими и авторитарными ценностями, могут рассматриваться как оборотные стороны друг друга.

Эмпирические исследования демократических ценностей описывают негативно некоторые ключевые авторитарные ценности, такие как нетерпимость к «чужим» (Inglehart 2003; Stenner 2005; Gibson 2007), стремление к порядку (Gibson 1997) и выбор в качестве руководителя сильного лидера, который может пренебречь демократическими процедурами (Inglehart 2003). Для исследования демократических ценностей нам следует принять во внимание толерантность, выбор индивидуальной свободы над порядком и недоверие по отношению к сильным руководителям.

Когда благодаря реформам Михаила Горбачева стали проводиться регулярные социологические опросы, некоторые проекты начали включать оценку демократических ценностей в Советском Союзе и затем в России (см., напр., Finifter and Mickiewicz 1992; Gibson and Duch 1993a; Miller, Hesli and Reisinger 1994; Reisinger и др. 1994; Zimmerman 1995; Brym 1996; Gibson 1996; Bahry, Boaz and Gordon 1997; Wyman 1997; Eckstein и др. 1998; Fleron and Ahl 1998; Colton and McFaul 2001; Rose, Mishler and Munro 2006). Было сделано несколько ключевых выводов. Во-первых, открытая поддержка демократии среди россиян падала на протяжении 1990-х, поскольку само понятие демократии ассоциировалось с реформами эпохи Ельцина, имевшими тяжелые экономические последствия (Carnaghan 2007). Во-вторых, если в вопросе опустить слово «демократия», выяснялось, что намного больше россиян поддерживали специфические черты демократического правления (Reisinger и др. 1994; Gibson 1996; Colton and McFaul 2001; Hale 2011). В-третьих, среди россиян было особенно заметно наличие двух типов нелиберальных или авторитарных ценностей: нетерпимость к чужим (Gibson 1998a, 1998b) и предпочтение «порядка» вместо демократических процедур и защиты гражданских прав (Reisinger и др. 1994). Согласно исследованиям, проведенным неопросными методами, политические ценности россиян чужды ценностям демократии; причина тому – либо традиции, хранившиеся веками, либо же десятилетия советского режима (см. Keenan 1986; Jowitt 1992; Daniels 1994; McDaniel 1996; в сравнении с Petro 1995; Carnaghan 2001).

Каким бы ни был уровень продемократических ценностей, он для каждого региона разный. Как и в межстрановых исследованиях, мы полагаем, что, присовокупляя индивидуальные ответы к анализу более высокого уровня (т. е. применяя средние), мы фиксируем свойство политической единицы более высокого уровня. Общественный строй, где многие ценят демократию, имеет совсем иной характер, нежели тот, где таких ценителей

мало. Вельцель и Инглхарт (2007, 306) указывают: «Дело не в свободе мышления людей. Скорее это экологический эффект: группы населения, придающие большое значение свободе, создают либеральный климат, который влияет на каждого индивидуума в данной группе...». Исследователи изрядно потрудились, чтобы доказать, что массовые ценности играют экологическую роль на межнациональном уровне (Inglehart and Welzel 2005; Welzel 2007; Welzel and Inglehart 2007). Если использование одного суммарного значения для одной страны приемлемо, это может быть рискованным в отношении более крупных стран с более сложной общественной организацией. Региональные сопоставления, проведенные нами внутри одной страны, снижают этот риск.

Оценка общественных демократических ценностей на региональном уровне

Используя данные индивидуального уровня и техники оценивания на малых выборках, мы вычисляем значения для каждого региона, пропорционально доле взрослого населения, разделяющего определенную ценность. В частности, мы используем многоуровневое моделирование, импутацию и постстратификацию (далее - MRP) – метод, широко применяемый в работах по американской штатной политике (Park, Gelman and Bafumi 2006; Lax and Phillips 2009; Pacheco 2011). (Методика излагается в Приложении.)

Данные взяты нами из проектов, в основе которых лежат опросы россиян в середине 1990-х. Первый включает опросы постсоветских граждан, проведенные Университетом Айовы в 1995 и 1997 гг. (Miller, Reisinger and Hesli 2000; далее MRH)³. Второй проект – Исследование российских выборов (Russian Election Study) – панельное исследование, включающее волны до парламентских выборов в декабре 1995 г., в промежуточный период, во время и после президентских выборов 1996 г. (Colton and Zimmerman 2002; CZ)⁴. Важную роль в опросе играет сам вопрос. Если какой-то вопрос задавался в обоих исследованиях, мы суммируем ответы респондентов для увеличения общего количества ответов, а также для малонаселенных регионов, что придает большую достоверность наших оценкам⁵. Для других переменных мы полагаемся только на один источник. Мы измеряем восемь показателей демократических ценностей и поведения. Среди них – те, кто ценит (1) демократию как систему, (2) партийную конкуренцию, (3) политический компромисс и (4) права оппозиции. Еще один показатель обозначает тех, кто ценит (5) межличностное доверие. Этот показатель,

³ Опросы населения в постсоветскую эпоху (Miller, Reisinger and Hesli 2000; сокращенно MRH) были проведены Университетом Айовы в 1990, 1991, 1992, 1995 и 1997 гг. Мы использовали последние два опроса. Количество интервью, проведенных в 1995 году, составило 1751 из 29 первичных выборочных единиц (ПВЕ) в 26 регионах. В 1997 было проведено 1811 интервью в ПВЕ в 31 регионах. На заключительном этапе отбора респондентов выборка была проведена методом Киша.

⁴ Исследование российских выборов (Russian Election Study, 1995-1996; Colton and Zimmerman 2002; сокращенно CZ) – это панельное исследование, состоявшее из трех этапов. Начальный опрос был проведен до декабрьских выборов 1995 г. в российскую Государственную Думу (законодательный орган). Те же респонденты были опрошены в период после выборов и до июньских президентских выборов 1996 г.; потом те же респонденты вновь были опрошены: последний опрос был проведен после президентских выборов. В опросах использовался метод многоступенчатой вероятностной выборки; на трех этапах было опрошено 2841, 2776 и 2446 респондентов.

⁵ Объединение данных разных исследований может привести к тому, что формулировка вопроса или «house effect» повлияют на результаты исследования. Однако мы использовали только те вопросы анкеты, формулировки которых были одинаковыми или схожими. Кроме того, мы проверили, чтобы распределение ответов было одинаковым во всех исследовательских организациях; это было нужно для того, чтобы удостовериться в том, что наши результаты не будут искажены после объединения результатов опросов. Как описано ниже, они максимально приближены к настоящим средним значениям в отобранных регионах, репрезентативные выборки которых мы имеем.

хоть и не связан с демократическими правами и процедурами, является жизненно важным элементом демократии. Когда члены общества не доверяют большинству своих соотечественников, они менее склонны допустить людей, представляющих какую-то партию или этническую группу, к власти. Мы также измеряем две авторитарные ценности: (6) уважение к Сталину и (7) стремление к порядку. Вопрос о Сталине позволяет выявить тех респондентов, которые ценят сильного лидера (ср. Inglehart 2003, 53). Упоминание имени Сталина в вопросе слегка затрудняет респондента согласиться с утверждением. По итогам обоих опросов более двух пятых респондентов выбрали просталинскую позицию. Опросы находились на полевой стадии, когда очевидные сожаления по поводу распада Советского Союза и ностальгия по советскому прошлому резко поднялись вверх (Munro 2006; White 2010). Вторая авторитарная ценность – это значимость «порядка» выше защиты индивидуальных прав и свобод. Беспорядок здесь ассоциируется с разного рода криминалом и иными формами «хаотичных» социетальных условий. Последний показатель описывает тех, кто участвовал в демонстрациях, шествиях и протестах. Выявление региональных ценностей требует создания дихотомии для каждой переменной. Затем в рамках процедуры MRP рассчитывается доля населения каждого региона, которая относится к процентному значению этой переменной.

Среди этих восьми переменных пять сильно коррелируют друг с другом и могут быть объединены в одну переменную (индекс). Эти пять переменных включают: выбор демократии в качестве основной системы, одобрение партийной конкуренции, компромисса и защиты прав оппозиции, а также опыт участия в демонстрации или массовом митинге. Среди них значение коэффициента альфа Кронбаха, выражающего надежность как внутреннюю согласованность, равно .69 со средней взаимной корреляцией инструментов .30. Переменная каждого компонента стандартизирована для отображения того, как соотносятся значения этой переменной в каждом регионе друг с другом и объединяются в индекс. Мы называем это *индексом оценки демократии в регионе*.

В таблице 1 содержится описание региональных оценок, полученных с помощью метода MRP, а также значение объединенного индекса оценки демократии⁶. При просмотре таблицы следует помнить, что *низкие* значения оценок поддержки Сталина и выбор порядка демонстрируют более высокий уровень демократических ценностей. Диапазон значений по регионам для большинства переменных достаточно широк. Например, только один из 17 жителей Тамбова выбирает демократию, в то время как в Кабардино-Балкарии двое из пяти видят в ней лучшую форму правления. Оценка межличностного доверия варьируется в диапазоне от 30% среди жителей Тулы и Амура до трех четвертей среди жителей Санкт-Петербурга и Саратова. Для каждого измерения мы даем список регионов и федеральных округов с самыми высокими и самыми низкими значениями. И данные показывают, что среди российских регионов, где жители принимают демократические ценности и, похоже, что принимали участие в демонстрациях, лидируют отнюдь не столичные регионы. На вершине оказываются другие регионы, хотя Санкт-Петербург и Москва стоят на высоких позициях по ряду оценок. На первом месте по показателю оценки демократии располагается Кабардино-Балкария, за которой следует Москва с относительно большим отрывом. Такой результат, как и результат, полученный по населению Северо-Кавказского федерального округа, которое

⁶ Из нашего анализа исключено 6 автономных округов, которые были включены в состав ближайшего региона в 2000-х. Поэтому максимальное число вариантов – 83.

оказалось в основном продемократическим, заслуживает внимания и является несколько неожиданным.

Несмотря на то, что и регионы с высокой долей, и регионы с низкой долей продемократически настроенных граждан могут преподнести сюрпризы, у нас есть все основания быть уверенными в надежности полученных нами оценок. Вдобавок к бесприкрытому методу статистических данных MRP, который описан в Приложении, Миллером, Рейзингером и Хесли был использован второй уровень многоступенчатой выборки по четырем регионам в опросе 1995 г.: Москва, Самара, Татарстан, Кабардино-Балкария. Оценки, выведенные из анализа MRP, в высшей степени близки к оценкам из фактической выборки индивидуальных респондентов. В вопросе о демократии как лучшей системе правления оценка, согласно анализу MRP для Самары, составляет .22 (учитывая, что 22% жителей региона согласны), в то время как этот показатель в опросах равен .21. Для Кабардино-Балкарии эти значения составляют .395 и .39 (соответственно); для Татарстана: .229 и .22; для Москвы: .208 и .20. Другими словами, если даже между регионами есть существенные отличия, различия в оценках анализа MRP и реальных результатах опроса незначительны.

Факторы, влияющие на региональный уровень оценки демократии

Почему в некоторых регионах больше продемократически настроенных жителей, чем в других? И какова связь между оценкой демократии в регионе и его другими характеристиками? Далее мы анализируем индекс оценки демократии, поскольку именно он описывает многогранность демократической направленности. Результаты по ее компонентам во многом схожи.

Начинаем мы с проверки того, являются ли резиденты республики, автономного округа или области более или менее продемократическими. Как группа такие регионы политически были менее открыты. В основном был сильный лидер, которому удалось создать механизм жесткого управления и сохранять его на протяжении всего советского периода (см., напр., Mikhailov, Bazhanov and Farukshin 2000; Ross 2005; Oreshkin and Oreshkina 2007; Reisinger and Moraski 2009). К тому же небольшие доли этнической группы «русские» могут означать, что демократические ценности, изначально зародившиеся на Западе, проникли в сознание этой части общества в меньшей степени, чем в других частях России (см. Lankina and Getachew 2008 о расстоянии от Западной Европы как факторе, влияющем на продемократические ценности). В таблице 2 показаны результаты сравнения средних значений индекса демократических ценностей для этнических и неэтнических регионов. В таблице 1 мы видели, что в некоторых этнических регионах доля демократически настроенных жителей высока. Таблица 2 подтверждает идею о том, что люди, приживающиеся в республиках и автономных регионах, в среднем значительно более склонны разделять демократические ценности. Эта идея справедлива и для индивидуальных демократических ценностей (наоборот - для тех, кто поддерживает Сталина и выбирает порядок), за исключением межличностного доверия, уровень которого намного выше в неэтнических регионах.

Перейдем к относительно простой многомерной модели, чтобы рассмотреть, как пример с региональными значениями соответствует другим ожиданиям. В нашем многомерном анализе вместо категории региона используется доля нерусского населения

региона⁷. Это помогает провести различия между типами регионов и также позволяет нам понять, насколько важна доля российского населения в этнических регионах. Мы включаем измерение географического местоположения административного центра каждого региона. Это дает возможность определить, важна ли близость к Западной Европе. Наши измерения учитывают широту и долготу: низкие показатели сконцентрированы в сторону запада и севера (наиболее низкие показатели – в Мурманске и Калининграде), а большие показатели встречаются в восточном и южном направлениях (Камчатка и Чукотка)⁸. В дополнение к этим двум переменным мы также добавляем измерение регионального развития. Труды по политической культуре и демократизации находились под влиянием так называемой теории модернизации (классическая работа: Lipset 1959b). Эта теория утверждает, что социоэкономическое развитие, которое подразумевает урбанизацию, распространение масс-медиа, развитие образования и иные черты более «современного» общества, способствует демократизации. В частности, теоретики модернизации считают, что экономические и технологические изменения делают население более продемократическим. Несмотря на то, что научная дискуссия о причинно-следственной связи между социоэкономическим развитием и демократией продолжается (Przeworski и др. 2000; Boix and Stokes 2003; Epstein и др. 2006; Kennedy 2010), последние межстрановые исследования с большими выборками нацелены на поиск этой связи (напр., Inglehart and Welzel 2009; Teorell 2010). Предложенное нами измерение регионального социоэкономического развития представляет собой индекс, полученный из нескольких переменных⁹. Наконец, чтобы ввести аргумент о том, что советский опыт имел антидемократическое влияние на общественное мнение, мы включили измерение региональных различий, чтобы показать, как люди принимали или отвергали советскую систему на закате существования СССР. Мы используем долю населения от каждого региона, проголосовавшего за сохранение СССР во время референдума 1991 г., который советский руководитель Михаил Горбачев объявил в надежде сохранить Союз (White, Rose and McAllister 1997, 73-77)¹⁰. В таблице 3 можно найти результаты регрессии предложенного нами индекса по этим переменным.

Бета-коэффициенты представляют собой стандартизированные коэффициенты; они отражают влияние переменных на измерение оценки демократии в относительном выражении. Эта простая модель описывает почти 40% дисперсии зависимой переменной. Все четыре независимые величины имеют статистически значимое влияние. Подтверждается основная гипотеза теории модернизации, согласно которой жители более развитых регионов демонстрируют более высокий уровень демократических ценностей. При условии постоянства других переменных влияние развития исключительно положительное. Даже если

⁷ Доля нерусского населения взята из переписи. Мы интерполировали значения 1996 г. из переписей 1989 и 2002 гг. Среди всех областей, краев и городов федерального значения город, где меньше всего нерусских этнических жителей по переписи 2010 г., Астрахань, имеет 68% русских. В 40 из 57 областей, краев и городов доля этнического русского населения - 90% и более. Для республик и автономных регионов русские в меньшинстве в половине из них и в незначительном меньшинстве в большинстве из них.

⁸ Для определения широты и долготы главных городов мы использовали данные с сайта <http://argun.tripod.com/topogr.htm>. Формула расчета: $360 - [\text{Долгота} + (90 - \text{Широта})]$.

⁹ Оценка регионального социоэкономического развития включает данные 1996 г. или данные наиболее близкого года, куда входят: а) доля населения, которое имеет какой-либо уровень высшего образования; б) доля городского населения региона; в) плотность дорог с твердым покрытием, в км на 1000 км² территории; г) количество людей, посещающих театр на 1000 человек; д) количество людей, посещающих музеи на 1000 человек; и е) плотность населения. Используются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат, «Регионы России») разных годов, а также данные переписей населения в 1989 и 2002 гг. (Федеральная служба государственной статистики России, 2005).

¹⁰ Результаты референдума: Собянин и Суховольский, 1995, гл. 9.

контролировать другие переменные, процентное соотношение жителей региона, не являющихся этническими русскими, оказывает мощное влияние. Отрицательный коэффициент расположения региона указывает, что демократические ценности действительно выше в северо-западной части страны. Также в унисон с ожиданиями идет вывод о том, что те народные массы, которые сильно привязаны к Советскому Союзу, менее разделяют демократические ценности.

Имеют ли ценности значение для распространения авторитарной власти в регионах?

Как же тогда региональные ценности соотносятся с региональной демократией? Идут ли регионы с более продемократически ориентированными жителями более демократическим путем? Для измерения региональной демократии мы используем экспертные оценки, собранные Николаем Петровым и Алексеем Титковым (2008). Они предлагают оценку уровня демократии во всех регионах, за исключением Чечни, сделанную в начале постсоветской эпохи (1991-2001), а также во время первых лет президентства В.Путина (2000-2004). Мы исследуем взаимосвязь каждого измерения с региональными ценностями, если появлялись заметные изменения от раннего к позднему периоду.

Сначала мы изучаем двумерные корреляции между демократическими ценностями и оценкой региональной демократии в разные периоды. В таблице 4 показано, как оценки региональной демократии коррелируют с индексом оценки демократии, а также с желанием иметь сильного лидера (уважение Сталина). Вдобавок к корреляции для 82 регионов в таблице 4 также показаны корреляции для подмножества этнических и неэтнических регионов.

Индекс оценки демократии имеет несколько негативную корреляцию с настоящим положением дел с демократией во всех регионах во все временные периоды. Отрицательная взаимосвязь справедлива для этнических групп, в то время как положительной она является только в областях, краях и городах федерального значения. Отрицательная взаимосвязь является противоположностью простой гипотезы, взятой из литературы о демократических ценностях. Однако этот пример отражает ту роль, которую играют республики и автономные регионы: в них сильны демократические ценности, но слаба сама демократия. В отношении других регионов обнаруживается положительная зависимость - в основном для периода 1990-х.

Данный вывод требует от нас определить, является ли связь между уровнем ценностей и уровнем демократии негативной, если контролировать другие факторы. Поскольку другие факторы влияют на уровень демократических ценностей в регионе, они могут влиять и на региональную демократию (таблица 3); поэтому мы используем двухступенчатую модель наименьших квадратов. Эта процедура помогает вычислить инструментальную переменную для получения индекса оценки демократии на основе регионального уровня социоэкономического развития в 1996 г., доли этнического нерусского населения, местоположения региона и доли проголосовавших за сохранение СССР в 1991 г. Инструментальная переменная далее включается в оценку региональной демократии. Результаты представлены в таблице 5.

Для обоих периодов значительное влияние на уровень региональной демократии имеет то, является ли регион республикой или автономным округом. Отрицательный коэффициент показывает, что среди регионов самый низкий уровень демократии будет демонстрировать тот регион, жители которого больше всего принимают демократические ценности. И эта взаимосвязь лишь усиливается от раннего периода к позднему. Согласно многим

исследованиям, региональные механизмы развивались быстрее и укреплялись именно в регионах с нерусским населением. Местоположение региона характеризуется умеренно положительной взаимосвязью, указывая на то, что регионы, расположенные к северу и западу, имеют более низкие демократические ценности, если контролировать другие факторы. И для периода 1990-х, и для 2000-х региональные демократические ценности после проверки на влияние других факторов имеют положительную и важную взаимосвязь с уровнем демократии. Регионы, где среди жителей сильны демократические ценности, имели и более сильную региональную демократическую политику в течение обоих периодов. Это справедливо внутри группы регионов, которые имеют этнически нерусское население, а также для группы областей, краев и городов федерального значения.

Заключение

С помощью данных, полученных на основе репрезентативных опросов среди населения России в середине 1990-х, мы рассчитали оценки регионального распределения поддержки демократических ценностей и поведения. Эти данные позволили нам сформировать более ясное, чем было прежде, представление о российском общественном мнении в каждом из регионов России. Регионы, где население демонстрирует более высокий уровень демократических ценностей, согласно теории модернизации являются более развитыми в социоэкономическом плане. Эти регионы, если учитывать и уровень развития, также обладают более высокой долей нерусских этнических граждан: среди них - республики и автономные регионы, но в основном регионы с низкой долей этнических русских жителей.

Следовательно, связь между региональными массовыми ценностями и политической открытостью в регионах (демократией) сложна. На протяжении 1990-х и 2000-х регионы с высоким уровнем демократических ценностей оставались наименее демократическими. Многомерный анализ показывает, что регионы, где жители дают демократично ориентированы, имеют и более сильную демократию. Одновременно это не дает столь сильного эффекта, как другие факторы, например, федеральный статус региона или этнический состав.

Многоуровневое моделирование, импутация и постстратификация

Статистические нововведения в измерениях на уровне локальных малых выборок позволяют получать достоверные и надежные измерения общественного мнения путем проведения опросов среди населения. Метод многоуровневого моделирования, импутации и постстратификации был развит такими исследователями, как Гельман и Литтл (1997) и позже расширен Парком и др. (2004, 2006), Лаксом и Филипсом (2009) и Пачеко (2011). Метод MRP включает три шага. Во-первых, строится многоуровневая модель для расчета демократических ценностей отдельных людей с учетом демографических и географических предикторов: индивидуальные ответы моделируются как встроенные внутри региона и встроенные в демографические группы (например, в одной группе четыре возрастных категории). Многоуровневое моделирование представляет собой расширенную регрессию наименьших квадратов, где данные структурируются по группам (в нашем случае – по регионам), и коэффициенты разнятся по группам. Восемьдесят три региональных интерсепта далее оцениваются как средневзвешенное значение среднего числа наблюдений в регионе (например, значение, которое может быть получено путем расчета регрессии с фиксированными эффектами, включающей индикаторные переменные по регионам) и среднее значение по всем регионам (например, значение, которое получается путем объединения всех регионов; то, что называется также «общим средним»). «Сырые» значения, полученные из регионов с небольшим размером выборки (или из регионов, где индивиды не опрашивались), несут меньше информации и являются менее надежными; далее эти предварительные значения притягиваются к общему значению («усечение в сторону значения»). С другой стороны, неисправленные значения, полученные из регионов с большим размером выборки (например, Москва), несут больший объем информации и являются весьма надежными. Следовательно, значения для крупных регионов близки и почти равны значениям, полученным с помощью одного только метода группирования. В промежуточном варианте, т. е. если регионы лежат где-то посередине между этими двумя случаями, значения находятся в диапазоне между общим средним и индивидуальным средним по региону (полное описание многоуровневого моделирования: Gelman and Hill 2007).

Мы включили пол (0=мужской, 1=женский), возраст (четыре категории: 18-29, 30-44, 45-64, и 65+) и образование (пять категорий: 1=семь классов и ниже, 2=начальное, 3=среднее, общее, 4=среднее, профессиональное, 5=ступень высшего образования или оконченное высшее образование) в многоуровневую модель в качестве индивидуальных независимых переменных. Не ограничиваясь применением лишь демографических различий, мы использовали также и регион проживания респондента, необходимый для вычисления эффектов на региональном уровне; эффекты, в свою очередь, моделируются с помощью измерений региональной этничности, долей россиян в каждом регионе. Ниже мы описываем модель, где индексы j , k и l обозначают соответственно регион, возрастную категорию и уровень образования; индекс i означает индивидуальных респондентов. Зависимая переменная – это одно из бинарных значений демографических ценностей или поведения, описанного выше. Допущения после того, как интерсепт смоделирован, оказывают влияние на группы респондентов.

$$\text{Уровень 1: } \Pr(y_i=1) = \text{logit}^{-1}(\beta_0 + \beta_1 \text{Женский}_i + \alpha_j[i] + \alpha_k[i] + \alpha_l[i]) \quad [1]$$

$$\text{Уровень 2: } \alpha_j \sim N(\beta_{01} + \beta_{02} \% \text{Российский}_j, \sigma^2 \text{регион}) \text{ для } j=1, \dots, 83 \quad [2]$$

$$\alpha_k \sim N(0, \sigma^2 \text{возраст}) \text{ для } k=1, \dots, 4$$

$$\alpha_l \sim N(0, \sigma^2 \text{образование}) \text{ для } l=1, \dots, 5$$

Далее производится импутация. Мы определяем комбинации демографических характеристик и региона (например, женщина из Санкт-Петербурга в возрасте 18-29 лет, имеющая среднее образование) в качестве «типов личности». Каждому из 3320 личностных типов соответствует вероятность обладания демократическими ценностями, которые моделируются в многоуровневой регрессии как функция региона, пола, возраста, образования. Импутация производится для каждого личностного типа, даже если его нет в выборке. После импутации мы получаем параметр θ_s , обратный логистической функции, с учетом релевантных предикторов и их ожидаемых коэффициентов (θ_s - среднее значение на основе 1000 симуляций с индексом s , учитывающим 3320 уникальные комбинации).

На последней стадии делается корректировка выборки (постстратификация). Она направлена на устранение различий между региональными выборками и населением регионов; осуществляется это за счет взвешивания полученных ценностей каждого личностного типа в каждом регионе по настоящим статистическим замерам каждого личностного типа региона. Рассчитанное мнение каждого типа личности, θ_s , впоследствии взвешивается по соответствующей частоте населения. В самом конце мы рассчитываем средневзвешенный ответ по каждому личностному типу и суммируем их для получения точного прогноза и интервалов неопределенности.

Анализ MRP содержит две главные проблемы при измерении результатов на низком уровне агрегирования данных из опросов. Многоуровневое моделирование увеличивает надежность в менее населенных регионах через «усечение в сторону значения». И, конечно, метод MRP дает более достоверные результаты, чем метод агрегирования, особенно если размеры выборки невелики (Lax and Phillips 2009). Постстратификация делает поправки для объединения в кластеры и других статистических вопросов, что может повлиять на значения агрегирования (Norrander 2007; Lax and Phillips 2009) путем корректировки значений, для того чтобы они были репрезентативны населению в регионах. Любые сравнения метода MRP с другими методами, используемыми в американских штатах, показали преимущество этого метода, заключающееся в надежности и достоверности результатов (Park, Gelman and Vafumi 2006; Lax and Phillips 2009; Pacheco 2011).

Мы располагаем информацией для 48 из 83 российских регионов. Для других регионов оценки основаны на принадлежности к русской этнической группе и общем среднем значении данной переменной по всей стране. Это обусловлено тем, что в регионах, где не было опросов респондентов, показатели менее надежны. В каждом регионе в среднем было проинтервьюировано 133 респондента. Больше всего респондентов опрошено в Татарстане (463 во всех опросах); далее идет Москва с 450 респондентами. Меньше всего респондентов опрошено в Новосибирске (только в 1997, MRH).

Таблица 1 Характеристики оценок для регионов

Измерение	Диапазон, среднее значение (погрешность)	Регион(ы) с высоким показателем	Регион(ы) с низким показателем	Федеральные округа с высоким и низким показателями
Доля населения, предпочитающего демократию	.06 - .40 .16 (.05)	Кабардино-Балкария	Тамбов	Высокий: Северо-Кавказский Низкий: Центральный
Доля населения, ценящего партийную конкуренцию	.20 - .49 .35 (.05)	Ханты-Мансийский АО, Тула	Пенза, Воронеж	Высокий: Уральский Низкий: Приволжский
Доля населения, ценящего компромисс	.16 - .54 .30 (.05)	Кабардино-Балкария	Приморский край, Алтайский край	Высокий: Северо-Кавказский Low: Сибирский
Доля населения, придающего значение правам оппозиции	.51 - .73 .62 (.04)	Ростов, Хакассия	Курган, Башкортостан	Высокий: дальневосточный Низкий: Приволжский
Доля населения, выражающего межличностное доверие	.29 - .73 .45 (.07)	Тула, Амур	Ленинград, Саратов	Высокий: Центральный и Дальневосточный Низкий: Северо-Кавказский
Доля населения, поддерживающего Сталина	.34 - .60 .46 (.05)	Оренбург, Кемерово	Псков, Коми	Высокий: Сибирский Низкий: Северо-Кавказский
Доля населения, считающего, что порядок важнее процесса	.29 - .93 .71 (.11)	Псков, Хакассия	Томск	Высокий: Северо-Западный и Центральный Низкий: Северо-Кавказский
Доля населения, принимавшего участие в митингах и демонстрациях	.04 - .11 .06 (.01)	Омск, Томск	Владимир, Курган	Высокий: Сибирский Низкий: Центральный
Индекс оценки демократии	-1.33 - 2.02 0 (.67)	Кабардино-Балкария Москва (1.45)	Псков, Курск	Высокий: Северо-Кавказский Низкий: Центральный

Таблица 2 Индекс демократических ценностей для республик и автономных округов в сравнении с другими регионами

Выборка	Диапазон, среднее значение (погрешность) оценок	Регионы с высоким показателем	Регионы с низким показателем	Федеральные округа с высоким и низким показателями
Все регионы (из Таблицы 1)	-1.33 - 2.02 0 (.67)	Кабардино-Балкария Москва (1.45)	Псков, Курск	Высокий: Северо-Кавказский Низкий: Центральный
Республики, автономные округа	-1.01 - 2.02 .29 (.62)	Кабардино-Балкария	Мордовия	Высокий: Северо-Кавказский Низкий: Приволжский
Области, края, города	-1.33 - 1.45 -.13 (.65)	Москва	Курск, Псков, Пенза	Высокий: Дальневосточный Низкий: Центральный
Т-тест разницы средних значений между двумя группами : -2.77 Значение: 004, односторонний				

Таблица 3 Регрессия индекса оценки демократии с учетом региональных характеристик

	Коэффициент	Стандартная ошибка	Бета-коэффициент
Индекс регионального социально-экономического развития, 1996	.240	.094*	.27
Доля этнических нерусских в населении региона	.015	.003***	.53
Расположение региона	-.004	.002*	-.23
Доля проголосовавших за сохранение СССР на референдуме 1991 года	-.024	.009**	-.30
Константа	2.551	.704***	
Скорректированный r-квадрат	.38		
N	83		
Коэффициенты стандартизованы. * показывает значение на уровне .05; ** .01; *** .001 или ниже.			

Таблица 4 Корреляции между индексом оценки демократии и демократией в регионе

Демократия в регионе, 1991-2001			Демократия в регионе, 2000-2004		
Все регионы n=82	Этнические регионы n=25	Другие регионы n=57	Все регионы n=82	Этнические регионы n=25	Этнические регионы n=57
-.05 (.669)	-.30 (.142)	.27 (.046)	-.11 (.346)	-.32 (.114)	.19 (.166)

Таблица 5 Двухступенчатая регрессия методом наименьших квадратов для оценки региональной демократии/авторитаризма с учетом оценки демократии и региональных характеристик

	Демократия в регионе, 1991-2001		Демократия в регионе, 2000-2004	
	Коэффициент	Стандартная ошибка	Коэффициент	Стандартная ошибка
Индекс оценки демократии	3.488	1.755*	3.598	1.797*
Является ли регион республикой или автономным округом/областью? 1=Да	-6.334	1.533***	-6.705	1.569***
Расположение региона	.039	.019*	0.038	.020
Константа	19.621	5.051***	21.169	5.171***
Статистика Вальда хи-квадрат	20.80***		21.56***	
N	82		82	
Коэффициенты стандартизированы. * показывает значение на уровне .05; ** показывает .01; *** показывает .001 или ниже.				

Литература

- 1 Adorno, T.W., et al. 1950. The Authoritarian Personality (New York: Harper).
- 2 Almond, Gabriel A. and Sydney Verba. 1963. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations (Princeton: Princeton University Press).
- 3 Altemeyer, Bob. 1988. Enemies of Freedom: Understanding Right-Wing Authoritarianism (San Francisco: Jossey-Bass Publishers).
- 4 Bahry, Donna, Cynthia Boaz and Stacy Burnett Gordon. 1997. "Tolerance, Transition, and Support for Civil Liberties in Russia," Comparative Political Studies 30 #4 (August), 484-510.
- 5 Boix, Carles and Susan C. Stokes. 2003. "Endogenous Democratization," World Politics 55 #4 (July), 517-549.
- 6 Brehm, John and Wendy Rahn. 1997. "Individual-level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital," American Journal of Political Science 41 #3 (July), 999.
- 7 Brym, Robert J. 1996. "Re-evaluating Mass Support for Political and Economic Change in Russia," Europe-Asia Studies 48 #5 (July), 751-766.
- 8 Carnaghan, Ellen. 2001. "Thinking about Democracy: Interviews with Russian Citizens," Slavic Review 60 #2 (Summer), 336-366
- 9 Carnaghan, Ellen. 2007. "Do Russians Dislike Democracy?," PS: Political Science and Politics 40 #1, 61-66.
- 10 Colton, Timothy J. and Michael McFaul. 2001. "Are Russians Undemocratic?," Post-Soviet Affairs 18 #2, 91-121.
- 11 Colton, Timothy and William Zimmerman. 2002. Russian Election Study, 1995-1996 (Moscow: Institute of Sociology Russian Academy of Sciences, Demoscope Group) available from Inter-university Consortium for Political and Social Research, study #3323, accessed at <http://doi.org/10.3886/ICPSR03323.v1>.
- 12 Dahl, Robert A. 1998. On Democracy (New Haven, CN: Yale University Press).
- 13 Daniels, Robert V. 1994. "The Revenge of Russian Political Culture," Dissent, 32-34.
- 14 Eckstein, Harry, et al. 1998. Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations (Lanham, MD: Rowman & LittleField).

- 15 Epstein, David L., et al. 2006. "Democratic Transitions," *American Journal of Political Science* 50 #3 (July), 551-569.
- 16 Feldman, Stanley. 2003. "Enforcing Social Conformity: A Theory of Authoritarianism," *Political Psychology* 24 #1 (March), 41-74.
- 17 Finifter, Ada W. and Ellen Mickiewicz. 1992. "Redefining the Political System of the USSR: Mass Support for Political Change," *American Political Science Review* 86 #4, 857-874.
- 18 Fleron, Frederic J., Jr. and Richard Ahl. 1998. "Does the Public Matter for Democratization in Russia?: What We Have Learned from 'Third Wave' Transitions and Public Opinion Surveys," in Harry Eckstein, Frederic J. Fleron, Jr., Erik P. Hoffmann and William M. Reisinger, eds., *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations, Dilemmas of Democratization in Postcommunist Countries* (Lanham, MD: Rowman & Littlefield), 287-327.
- 19 Fromm, Erich. 1941. *Escape from Freedom* (New York: Farrar & Rinehart).
- 20 Geddes, Barbara and John Zaller. 1989. "Sources of Popular Support for Authoritarian Regimes," *American Journal of Political Science* 33 #2 (May), 319-347.
- 21 Gelman, Andrew and Jennifer Hill. 2007. *Data Analysis Using Regression and Multilevel/Hierarchical Models* (New York: Cambridge University Press).
- 22 Gelman, Andrew and Thomas C. Little. 1997. "Poststratification Into Many Categories Using Hierarchical Logistic Regression," *Survey Methodology* 23, 127-135.
- 23 Gibson, James L. 1996. "A Mile Wide But an Inch Deep (?): The Structure of Democratic Commitment in the Former USSR," *American Journal of Political Science* 40 #2, 396-420.
- 24 Gibson, James L. 1997. "The Struggle Between Order and Liberty in Contemporary Russian Political Culture," *Australian Journal of Political Science* 32 #2 (July), 271-290.
- 25 Gibson, James L. 1998a. "Putting Up with Fellow Russians: An Analysis of Political Tolerance in the Fledgling Russian Democracy," *Political Research Quarterly* 51 #1 (March), 37-68.
- 26 Gibson, James L. 1998b. "A Sober Second Thought: An Experiment in Persuading Russians to Tolerate," *American Journal of Political Science* 42 #3, 819-850.
- 27 Gibson, James L. 2007. "Political Intolerance in the Context of Democratic Theory," in Russell J. Dalton and Hans-Dieter Klingemann, eds., *The Oxford Handbook of Political Behavior* (New York: Oxford University Press), 323-341.
- 28 Gibson, James L. and Raymond M. Duch. 1993a. "Emerging Democratic Values in Soviet Political Culture," in Arthur H. Miller, William M. Reisinger and Vicki L. Hesli, eds., *Public Opinion and Regime Change: The New Politics of Post-Soviet Societies* (Boulder, CO: Westview), 69-94.
- 29 Gibson, James L. 1993b. "Support for Rights in Western Europe and the Soviet Union: An Analysis of the Beliefs of Mass Publics," in Frederick D. Weil, Jeffrey Huffman and Mary Gautier, eds., *Democratization in Eastern and Western Europe, Research on Democracy and Society* (Greenwich, CT: JAI Press), 241-263.
- 30 Hale, Henry E. 2011. "The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime," *Europe-Asia Studies* 63 #8 (October), 1357-1375.

- 31 Inglehart, Ronald. 1977. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics* (Princeton: Princeton University Press).
- 32 Inglehart, Ronald. 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society* (Princeton: Princeton University Press).
- 33 Inglehart, Ronald. 2003. "How Solid is Mass Support for Democracy—And How Can We Measure It?," *PS: Political Science & Politics* 36 #1 (January), 51-57.
- 34 Inglehart, Ronald and Christian Welzel. 2005. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* (New York: Cambridge University Press).
- 35 Inglehart, Ronald. 2009. "How Development Leads to Democracy," *Foreign Affairs* 88 #2 (March/April), 33-48.
- 36 Jowitt, Ken. 1992. *New World Disorder: The Leninist Extinction* (Berkeley: University of California Press).
- 37 Keenan, Edward L. 1986. "Muscovite Political Folkways," *The Russian Review* 45, 115-184.
- 38 Kennedy, Ryan. 2010. "The Contradiction of Modernization: A Conditional Model of Endogenous Democratization," *Journal of Politics* 72 #3 (July), 785-798.
- 39 Lankina, Tomila and Lullit Getachew. 2008. "The Virtuous Circles of Western Exposure in Russian Regions: A Case for Micro-Polity Analysis of Democratic Change," *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 24 #3 (September), 338-364.
- 40 Lax, Jeffrey R. and Justin H. Phillips. 2009. "How Should We Estimate Public Opinion in The States?," *American Journal of Political Science* 53 #1 (January), 107-121.
- 41 Lipset, Seymour Martin. 1959a. "Democracy and Working-Class Authoritarianism," *American Sociological Review* 24 #4 (August), 482-501.
- 42 Lipset, Seymour Martin. 1959b. "Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy," *American Political Science Review* 53 #1, 69-105.
- 43 Maslow, Abraham H. 1954. *Motivation and Personality* (New York: Harper).
- 44 McDaniel, Tim. 1996. *The Agony of the Russian Idea* (Princeton, NJ: Princeton University Press).
- 45 Mikhailov, V.V., V.A. Bazhanov and M.Kh. Farukshin, eds. 2000. *Osobaia Zona: Vybory v Tatarstane* (Ul'ianovsk, Russia: Srednevolzhskii Nauchnyi Tsentr).
- 46 Miller, Arthur H., Vicki L. Hesli and William M. Reisinger. 1994. "Reassessing Mass Support for Political and Economic Change in the Former USSR," *American Political Science Review* 88 #2 (June), 399-411.
- 47 Miller, Arthur H., William M. Reisinger and Vicki L. Hesli. 2000. *University of Iowa Post-Soviet Citizen Surveys* (Iowa City, IA: University of Iowa) available from Inter-University Consortium for Political and Social Research, study #9945, 6521 and 6574 [1990-1992 data], the authors [1995 and 1997 data]
- 48 Mishler, William and Richard Rose. 2001. "What are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies," *Comparative Political Studies* 34 #1 (February), 30-62.
- 49 Moraski, Bryon and William M Reisinger. 2012. "The Diffusion of Deference: Regional Machine Strength and Federal Election Results in Russia," unpublished manuscript (Iowa City: University of Iowa, January).

- 50 Munro, Neil. 2006. "Russia's Persistent Communist Legacy: Nostalgia, Reaction, and Reactionary Expectations," *Post-Soviet Affairs* 22 #4, 289-313.
- 51 Newton, Kenneth. 2001. "Trust, Social Capital, Civil Society, and Democracy," *International Political Science Review* 22 #2 (April), 201-214.
- 52 Norrander, Barbara. 2007. "Comment: Choosing Among Indicators of State Public Opinion," *State Politics & Policy Quarterly* 7 #2 (June), 152-159.
- 53 Oreshkin, Dmitrii and Darya Oreshkina. 2007. "The Geography of Russia's Electoral Culture," *Social Sciences* 2 #38, 72-88.
- 54 Pacheco, Julianna. 2011. "Using National Surveys to Measure Dynamic U.S. State Public Opinion: A Guideline for Scholars and an Application," *State Politics & Policy Quarterly* 11 #4 (December), 415-439.
- 55 Park, David K., Andrew Gelman and Joseph Bafumi. 2004. "Bayesian Multilevel Estimation with Poststratification: State-Level Estimates from National Polls," *Political Analysis* 12 #4 (November), 375-385.
- 56 Park, David K., Andrew Gelman and Joseph Bafumi. 2006. "State-Level Opinions from National Surveys: Poststratification Using Multilevel Logistic Regression," in Jeffrey E. Cohen, ed., *Public Opinion in State Politics* (Stanford, CA: Stanford University Press), 209-228.
- 57 Petro, Nicolai N. 1995. *The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture* (Cambridge, MA: Harvard University Press).
- 58 Petrov, Nikolai V. and Aleksei Titkov. 2008. *Ekspertnaia Otsenka (Reiting) Demokratichnosti Regionov za 1991-2004 gg.* (Moscow: Independent Institute for Social Policy), accessed at http://atlas.socpol.ru/indexes/index_democr.shtml, on August 27, 2008.
- 59 Przeworski, Adam, et al. 2000. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950-1990* (New York: Cambridge University Press).
- 60 Putnam, Robert D. 1993. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy* (Princeton: Princeton University Press).
- 61 Reisinger, William M., et al. 1994. "Political Values in Russia, Ukraine and Lithuania: Sources and Implications for Democracy," *British Journal of Political Science* 45 #2 (April), 183-223.
- 62 Reisinger, William M. and Bryon J. Moraski. 2009. "Regional Voting in Russia's Federal Elections and Changing Regional Deference to the Kremlin," paper presented at the 67th Annual National Conference of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL, April 2-5, 2009, http://works.bepress.com/william_m_reisinger/.
- 63 Rokeach, Milton. 1960. *The Open and Closed Mind: Investigations into the Nature of Belief Systems and Personality Systems* (New York: Basic Books).
- 64 Rose, Richard, William Mishler and Neil Munro. 2006. *Russia Transformed: Developing Popular Support for a New Regime* (New York: Cambridge University Press).
- 65 Ross, Cameron. 2005. "Federalism and Electoral Authoritarianism under Putin," *Demokratizatsiya* 13 #3 (Summer), 347-371.
- 66 Russian Federal State Statistics Service. 2005. *Osnovnye Itogi Vserossiiskoi Perepisi Naselenia 2002 g.*, vol. 14 (Moscow: Rosstat).
- 67 Russian Federal State Statistics Service. 2005. various years. *Rossiiskii Statisticheskii Ezhegodnik: Statisticheskii Sbornik* (Moscow: Rosstat).

- 68 Schedler, Andreas and Rodolfo Sarsfield. 2007. "Democrats with Adjectives: Linking Direct and Indirect Measures of Democratic Support," *European Journal of Political Research* 46 #5 (August), 637-659.
- 69 Sobianin, Aleksandr A. and V.G. Sukhovol'skii. 1995. *Demokratiia, Ogranichennaia Fal'sifikatsiiami: Vybory i Referendумы v Rossii v 1991-1993 gg.* (Moscow: Project Group on Human Rights), <http://www.hrights.ru/text/sob/>.
- 70 Solt, Frederick. 2012. "The Social Origins of Authoritarianism," *Political Research Quarterly* 65 #4 (December), 703-713.
- 71 Stenner, Karen. 2005. *The Authoritarian Dynamic* (New York: Cambridge University Press).
- 72 Sullivan, John L., James Piereson and George E. Marcus. 1982. *Political Tolerance and American Democracy*.
- 73 Sullivan, John L., et al. 1985. *Political Tolerance in Context: Support for Unpopular Political Minorities in Israel, New Zealand, and the United States* (Boulder, CO: Westview Press).
- 74 Tang, Wenfang. 2005. *Public Opinion and Political Change in China* (Stanford, CA: Stanford University Press).
- 75 Teorell, Jan. 2010. *Determinants of Democratization: Explaining Regime Change in the World, 1972-2006* (New York: Cambridge University Press).
- 76 Welzel, Christian. 2007. "Are Levels of Democracy Influenced by Mass Attitudes? Testing Attainment and Sustainment Effects on Democracy," *International Political Science Review* 28 #4 (September), 397-424.
- 77 Welzel, Christian and Ronald Inglehart. 2007. "Mass Beliefs and Democratic Institutions," in Carles Boix and Susan C. Stokes, eds., *The Oxford Handbook of Comparative Politics* (New York: Oxford University Press), 297-316.
- 78 White, Stephen. 2010. "Soviet Nostalgia and Russian Politics," *Journal of Eurasian Studies* 1 #1 (January), 1-9.
- 79 White, Stephen, Richard Rose and Ian McAllister. 1997. *How Russia Votes* (Chatham, NJ: Chatham House Publishers).
- 80 Wyman, Matthew. 1997. *Public Opinion in Postcommunist Russia* (New York: St. Martin's Press).
- 81 Zimmerman, William. 1995. "Synoptic Thinking and Political Culture in Post-Soviet Russia," *Slavic Review* 54 #3 (Fall), 630-641.